

НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ

ФИЛОЛОГИЯ

*Анна Анатольевна АНДРЕЕВА –
аспирантка кафедры истории
русской литературы
филологического факультета*

УДК 821.161.1.09.

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ПОЭТА СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА В МАССОВОМ СОЗНАНИИ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается миф о С. Есенине, функционирующий в «низовом» читательском пространстве. Автор показывает, что актуализация образа поэта в сознании народа (есенищина, зэки, фронтовики, эмигранты) происходит в условиях угрозы жизни и утраты национальных основ духовности. В статье раскрывается сюжет мифа о С. Есенине как части национальной мифологии.

In this article we observe the myth about S. Yesenin functioning in readers' space. The author shows that the actualization of the poet's image in people's mind (Yesenshchina, convicts, front-line soldiers, emigrants) takes place in the conditions of life being threatened and the national spiritual principals being lost. In the article we shed light upon the plot of the Yesenin myth which is being developed as a part of national mythology.

Еще в 1920-е годы Н. Асеев, Ю. Тынянов, Д. Святополк-Мирский и многие другие задавались вопросом о причинах неотразимого воздействия на читателей стихов С. Есенина. В 1990-е, когда стали появляться новые материалы, касающиеся биографических сведений о писателе, его окружения, ученые (К. Азадовский, Т. Белонская, С. Шумихин и другие) заговорили о возможном истинном и неистинном восприятии его образа и творчества в целом, о границах интерпретации и определения ценностного статуса художника в историческом сознании как народа, так и самих исследователей.

Мы считаем, что исследование мифологии личности С. Есенина может проводиться на уровне культурно-исторического восприятия образа и творчества поэта как свидетельства бытования личности в вечно становящемся историческом пространстве (метаистории). В целом мы выделили два субъекта творимого о С. Есенине мифа: индивидуальный (сам писатель) и коллективный, представленный, в свою очередь, двумя субъектами — массово-народным и критико-научным. В статье мы рассматриваем «низовую» вариант коллективного мифа о С. Есенине на материале бесписьменных по преимуществу (переданных нелично, косвенно) свидетельств функционирования мифологического образа поэта в «низовых» по социальной принадлежности или психологическому складу слоях населения, а также в так называемых «низовых» условиях — в условиях культурной изоляции и опасности физического и духовного уничтожения. Мы полагаем, что подобное «низовое пространство» характеризует непосредственность восприятия, оно также является наиболее свободным от идеологических шор, властных и «высоких» культурных установок, что кажется весьма ценным для реконструкции мифа о С. Есенине.

• Одним из свидетельств функционирования образа «поэта Сергея Есенина» в «низовом» пространстве коллективного восприятия является массовая реакция на гибель С. Есенина. Литературная общественность восприняла смерть писателя в 1925 году как завершение его образа, как подтверждение реального совпадения стихов и жизни. А. Воронский писал: «Сейчас они <стихи. — А. А. > потрясают как подлинный документ, строки налились и сочатся кровью, напоены смертельной тоской и томлением, крестной мукою (. . .) эстетика отходит на задний план» [1]. После смерти С. Есенина, как известно, по стране прокатилась волна самоубийств, по сути дела, повторяющих его смертельный исход. «Есенщиной» именовались «упаднические настроения», владеющие, как считалось, самоубийцами и пессимистично настроенной частью молодежи, увлекающейся творчеством поэта. «Есенщину» призвана была обличить организованная против нее кампания. Н. Бухарин в «Злых заметках» (1927) отождествляет писателя и явление «есенщины», находя в них сходные признаки: «расхлябанность» и некультурность, мещанское понимание жизни и т. д. Он призывает молодежь преодолеть установку на «слабость»: «Блаженненькие «нищие духом», Христа ради юродивые, кафешантанные гении на час — подальше от них!» [2].

Авторы сборника «Против упадничества. Против есенщины» (1926) пытались дать психологическую и социальную характеристику, а также оценить уровень «политической зрелости» «нездоровой молодежи». По общему мнению авторов сборника, «есенщину» представляли самые «несознательные» комсомольцы (часто — выходцы из деревни), мещане, люди со слабой волей, идеологически неустойчивые. Обрисовывая непривлекательные человеческие черты писателя и его политическую недалекость («От деревни он ушел, но революцией не пленился, не пришел в ее рабочий стольный град, а увяз в городской мещанской трясине. Тут растерял всю свою чистоту, жизнерадостность, любовь, — спился, испакостил тело и душу. И — удавился» [3]), Г. Бергман делает вывод, что комсомольцев толкнула на самоубийство поэзия С. Есенина, оказавшаяся созвучной их моральной неустойчивости и непониманию происходящих политических перемен в стране. Фактическими причинами самоубийств в сборнике называется несчастная любовь, непонимание смысла происходящего в стране и тому подобное.

Нам кажется несомненным, что признаки «мещанства», слабости характера, идейной неоформленности, ущербности, приписывающиеся «есенщине», были внесены в образ «поэта Сергея Есенина» и самими ее представителями, а не только противниками. Масштабность самоубийств, большая популярность С. Есенина в 1920-х годах среди молодежи позволяют сказать, что сами поклонники таланта писателя хотели «повторить» его поведение, пройти его путь, в какой-то мере дискредитируя его образ «низменным» повторением.

• Самая «низкая» по статусу в обществе категория людей признает творчество С. Есенина «своим» — заключенные. С. Есенин является единственным из поэтов, чье имя среди русскоязычных зэков на блатном жаргоне обозначает «заключенного, сочиняющего стихи, песни» [4]. Свидетельством этому являются и воспоминания В. Шаламова в «Колымских рассказах». Он пишет, что блатные в течение 20-30 лет после смерти писателя сделали его в своем мире классиком — «отзывать о нем с уважением стало хорошим тоном у воров», его имя и стихи вносились на татуировки, а стихи переделывались в песни [5]. По словам В. Шаламова, в творчестве С. Есенина уголовников прежде всего привлекали стихи, интонационно близкие блатному миру, то есть те, в которых присутствовали вызов, протест, поэтизация хулиганства, обреченность, сентиментально-жалостливые настроения, «матерщина». Писатель с презрением говорит о нашедших «родственную душу» уголовниках, которые с удовольствием «перепевают» стихи С. Есенина о животных («Стихи о собаке, о лисице, о коровах и лошадях понимаются блатарями как слово человека, жестокого к человеку и нежного к животным») [6]. В. Шаламов отмечает, что «светлую лирику существа есенинских стихов», их трагизм блатные не понимают и не воспринимают, они «проходят мимо пейзажной лирики, мимо стихов о России», для них ничего не значит трагическая судьба поэта, его смерть.

А. Терц характеризует сложившуюся в течение нескольких десятилетий после революции блатную песню как народную, национальную: «Блатная песня тем и замечательна, что содержит слепок души народа (а не только физиономии вора), и в этом качестве (. . .) может претендовать на звание национальной русской песни» [7]. Он считает, что близость блатной песни С. Есенину обусловлена его способностью выражать национальный характер, а также привнесенными в творчество «блатными нотами». Мотив «распыления» жизненных основ, образ «рассеянной России» в творчестве С. Есенина, по мнению исследователя, нашел свое подтверждение в реально свершившемся факте разорения национального единства, в блатной песне вылившегося в бесшабашность и жестокость своеобразным «отмщением» нового поколения, целиком выросшего за колючей решеткой режима. «Москва Кабацкая», «Пугачев», ряд других произведений С. Есенина и блатная лирика, согласно взглядам А. Терца, порождены национальной стихией, вызывающей болезненное состояние опустошенности, разгула, отчаянного веселья на краю. Поэтому «никто в высокой лирике так полно не вместил в себя этот смятенный народ, от мужика до хулигана, от пугачевщины до Москвы кабацкой, как это сделал Есенин, ту стихию превзойдя в поэтической гармонии, но и выразив настолько, что остался в итоге самым нашим национальным, самым народным поэтом 20 столетия» [8]. Образ писателя в блатной среде, по словам А. Терца (с которыми нельзя не согласиться), трансформировался в образ «своего пахана и первого поэта России».

• Одним из «низовых» способов хождения произведений писателя является распространение их в неофициальных условиях и вынужденной изоляции на фронтах Великой Отечественной войны и в послевоенных лагерях ДИ-ПИ. Фронт и лагерь объединяет, как мы считаем, одинаковая ситуация смертельной опасности и изоляции, которая в целом, невзирая на внешний диктат, осуществляемый в войсках и лагерях органами управления, создает условия для возникновения неофициального, не признанного властями, но, по ряду причин, и не слишком подавляющегося, собственно народного культурного пространства (массового, «низового»).

Несмотря на то, что с 1930-х по 1950-е годы творчество С. Есенина было под запретом, а его произведения выпускались редко и небольшими тиражами, во время и после войны издание сочинений поэта возобновилось, в основном на периферии — в Риге, Одессе и других городах. Внимание к С. Есенину со стороны государства, на наш взгляд, было связано с насущной потребностью повышения боевого духа бойцов, в том числе с помощью популярной литературы патриотического содержания.

Но, судя по многочисленным воспоминаниям фронтовиков, их жажда была удовлетворена лишь в малой степени.

В. Сафонов в книге «Есенин на фронтах Великой Отечественной» вспоминает, что среди фронтовиков стихотворения С. Есенина по распространенности соперничали лишь с поэзией А. Пушкина [9]. Редкие экземпляры сборников С. Есенина переписывали, и рукописи, самодельные книжки быстро расходились. Особенное отношение участников войны к творчеству писателя проявилось в их благодарных послевоенных воспоминаниях.

В выборке из «Народной книги» музея-заповедника в Константинове есть записи бывших фронтовиков. Некий И. Блинов сообщает, что в годы Великой Отечественной войны в его вещевом мешке был томик стихов С. Есенина: «Я читал его стихи солдатам в окопах, и как мне завидовали, что я тоже из Рязани» [10]. Переводчик С. Есенина на сербохорватский язык рассказывает: «Во время войны против Гитлера, в концлагере в Сербии в 1943 г. я в первый раз услышал на русском языке стихи Есенина (. . .) Именно тогда я решил переводить Есенина» [11]. Знаменитый летчик А. Покрышкин определяет практическую значимость есенинской поэзии следующим образом: «Любовь Есенина к России передавалась нам, и мы шли в следующий боевой полет более воодушевленными (...) Сергей Есенин как патриот родной страны шел с нами в бой и помогал громить врага» [12].

Г. Иванов в 1950 году в очерке о С. Есенине рассказывает, что в послевоенных лагерях-распределителях ДИ-ПИ (для перемещенных лиц, бывших заключенных концлагерей), в которых царил достаточно раскрепощенная атмосфера, произведения С. Есенина были очень популярными [13]. Исследователь Э. Штейн пишет, что там в течение шести лет, с 1945 по 1951 год, было налажено издание произведений разных русских писателей и первым и основным участником публикаций был С. Есенин. По его словам, книги писателя с большим успехом расходились в среде эмигрантов: «В котомках и вещмешках» уезжающих из лагерей за океан «россиян-странников нашлось место только для двух авторов. Первой была Шидловская, издавшая в ДИ-ПИ учебник английского языка в трех томах. С этими жизненно необходимыми для эмигрантов книгами совершали бросок через океан и книжки стихов Есенина» [14]. Э. Штейн также называет С. Есенина «божеством» русских зарубежных поэтов первых двух волн эмиграции и вообще одним из самых любимых писателей эмиграции: «И будь то царский полковник, ставший в Париже шофером, казачка, чудом пережившая Лиенцкую выдачу, «остарбайтер», попавший в лагерь «ДИ-ПИ», новоявленный американец, перенесший «березовую болезнь эмиграции» и, наконец, нью-йоркские врачи и программисты — всем им близок и дорог Сергей Есенин» [15].

Итак, мы можем сказать об одном целостном явлении: творчество писателя и его образ актуализируется в массовом российском (русском) сознании на пороге «ущемления» жизни («есенищина», блатная песня) и во время такой изоляции, когда возникает необходимость в подтверждении жизненных ценностей, их национальных основ (во время войны, в концлагерях и лагерях ДИ-ПИ). Поэтому частный случай, произошедший с одним из поклонников С. Есенина, кажется нам закономерным в свете этого явления. В январе 1966 года в музей С. Есенина в Константинове пришло письмо от некоего Погожина, художника-прикладника из Одессы [16]. Безнадежно больной человек просил, чтобы его «несколько строчек» переписали или вклеили в книгу отзывов. Он писал: «Впервые я прочел Есенина сравнительно недавно — лет 10 назад. С тех пор мое увлечение им не только не ослабело, а перешло в настоящую влюбленность. И вот теперь, когда приближается время «переезжать», не жаль оставить ничего в этом мире, и только при мысли о расставании с моими есенинскими книжками — охватывает глубокая, настоящая смертельная тоска (...) Есенин умеет покорять властно, накрепко и безраздельно» [17]. Сам отзыв Погожина, в котором

восторженно перечисляются красоты есенинской поэзии, не затмевает скупых и тем более эмоциональных строчек письма. Здесь нам раскрывается еще одно «условие» актуализации образа поэта: угроза жизни, смысл которой составляет не только «внешнее» бытование, но и духовное бытие, с одной стороны, хрупкое и уязвимое, с другой — властно держащее в этом мире, раскрывающее истинную связь человека с ним.

Актуализация образа писателя в «болезненном», пороговом состоянии, по нашему мнению, объединяет всех перечисленных нами субъектов «низового» массового мифа о С. Есенине. На примере «есенищины» особенно ярко отразилась болезненность, душевная «слабость», приписываемая образу поэта. Черты этой «ущербности», проявившиеся в расколотости национального самосознания, нашли свое отражение и в блатной среде, и в среде эмигрантов. Но, совпав с ними по состоянию «болезненности», пограничности, народный образ писателя обернулся для них, «теряющихся» в самой жизни, ориентиром духовных национальных основ. Так, мифологический образ «поэта Сергея Есенина», функционирующий в массовом, «сниженном» сознании, узнается народом как собственный образ. Действующего героя мифа о С. Есенине здесь мы можем описать как заблудившегося (самоубийца, удалой и бесшабашный разбойник) и нашедшего себя в духовных национальных истоках (патриот, «самый русский», «душевный»).

• Еще одна важная, на наш взгляд, характеристика сопровождает образ «поэта Сергея Есенина» в массовом сознании — его «женственность», близость к «материнскому». Общедоступность образа поэта выражается в народной любви не только к нему, но и к его матери. Во время войны, перед отправкой на фронт, к ней шли молодые лейтенанты из рязанского училища, а также выздоравливающие фронтовики [18]. М. Воробьева, экскурсовод Дома-музея С. Есенина в Константинове и соседка Т. Есениной, рассказывала, как в голодные и холодные годы войны командиры, красноармейцы помогали матери писателя, привозя дрова и продукты, просто заходили, чтобы проведать ее, увидеть дом, село: «Без гостинцев никогда не приезжали (...). Многие просили у нее позволения переписать из книг стихи сына, переснять фотографии, а заодно снимали на память и дом, и хозяйку, и себя рядом с нею. Уезжают такие довольные, растроганные чуть не до слез, руку Татьяне Федоровне пожимают, мамашей величают. Оставляем, говорят, вам, мамаша, свои координаты, если будет в чем нужда — немедля сообщите нам, не стесняйтесь, для кого-кого, а для вас ничего не пожалеем» [19]. Паломничество к матери С. Есенина было вызвано, как нам кажется, желанием во время войны, в период смертельной опасности, угрожающей не только каждому человеку, но всей стране, Родине, приобщиться к великой силе, заключенной в имени писателя через еще более великую силу, вскормившую его. Здесь, с нашей точки зрения, прослеживается явная связь между образом *матери* народного поэта и образом *Родины* по аналогии: С. Есенин — русский человек вообще, сын, все русские люди — сыновья его матери. Так реальная женщина становится частью мифа о С. Есенине.

Блатная песня не раз обращается к теме «матери», дома, близких, родных, опираясь на произведения С. Есенина, в которых эти темы развернуты («Письмо к матери», «Письмо к деду» и др.) [20]. В. Шаламов объясняет популярность «материнской» темы в блатной среде кодексом отношений блатных с женщинами. По его словам, все женщины для уголовников — низшие, презренные существа и лишь для матери отводится почетное, «неприкасаемое» место: «Мать для блатаря — предмет сентиментального умиления, «святая святых» (...) первое «Письмо к матери» («Ты жива еще, моя старушка») знает буквально каждый блатарь. Этот стих — блатная «Птичка Божия» [21]. И действительно, если мы обратимся, например, к популярной песне «Постой, паровоз, не стучите, колеса. . . », то увидим, как тоскующий по дому «пропавший сын» повествует о горькой своей судьбе, потерянной жизни все прощающему, самому дорогому человеку — матери. «Жалостливая» поэтика воровских песен, по нашему мнению, пусть и в сниженно-сентиментальных чертах, указывает на значи-

мость для образа С. Есенина «материнской» характеристики (ср. со звучащей из уст эка песней на стихи С. Есенина «Письмо к матери» в кинофильме «Калина красная»), что проявляется в ценностно-смысловом соединении образов «мать — сын».

О том, что читатели особенно ценят «материнские» стихи С. Есенина, свидетельствует, в частности, своеобразный эксперимент А. Топорова (1927) над крестьянской аудиторией. После чтения исследователем «Письма от матери» и «Ответа» до этого негативное мнение крестьян о поэте сменилось на обратное: «Эти стихотворения навеяли на аудиторию нежную грусть. Слушатели после них (...) долго сидели (...) вздыхая, и сочувствовали матери и «блудному сыну» [22]. Сборник стихов «Венок Есенину» (1996) начинается есенинским «Письмом матери» и воспоминанием Т. Есениной о сыне. В предисловии составитель сборника пишет о стихотворении: «Эта вершина мировой поэзии рождена редчайшей искренностью чувств и простотою форм (...) Они <стихи. — А. А. > идут от сердца к сердцу так, как будто сами родились в твоей душе. Теплые, нежные чувства к матери он пронес через всю короткую бурную жизнь» [23].

Итак, материнский образ, входящий в массовом народном сознании в целостный образ поэта, имеет сентиментальную, «жалостливую» характеристику, разворачивающуюся в сюжете «пропавший, блудный сын — мать» (в сниженном варианте), а также несет черты национального материнского начала, реализующегося в паре «сын России — Россия». С нашей точки зрения, опираясь на эту характеристику народного мифа о «поэте Сергее Есенине», составители сборника произведений писателя 1995 года, включающего также воспоминания о нем, назвали его «Русская боль» [24].

Своеобразное «срастание» народного мифа о писателе с темой Родины проявилось в «женских» чертах образа писателя. Современники вспоминали о «девичьих» чертах внешности С. Есенина, сравнивали его состояние в некоторые периоды жизни с состояниями, присущими женщине (см. о его важности, подобной «важности молодой матери, прислушивающейся к движению внутри себя зачинающейся новой жизни», о «ланьем» в нем [25]). Н. Клюев, по воспоминаниям, ранил писателя, сказав ему, что «если бы эти <С. Есенина. — А. А. > стихи собрать в одну книжечку, они стали бы настольным чтением для всех девушек и нежных юношей, живущих в России» [26]. К «женственному» или «девическому» (см., например: висящий в «девической» комнате портрет писателя в кинофильме «Одиноким предоставляется общежитие») в образе С. Есенина мы можем отнести неоднократно приписывающиеся ему в высказываниях почитателей таланта черты «чистоты», «свежести», «молодости», «красоты» и тому подобное. И. Шаляпина вспоминала, как однажды, увидев в ее руках букет васильков, Ф. Шаляпин, сначала удостоверившись, что это «наши васильки», спросил у нее, знает ли она С. Есенина. За этим последовало чтение стихов, при котором у него навернулись слезы на глаза [27]. Интересно, что сознание исследователей также может быть подвержено влиянию народного мифа: одну из своих научных статей Н. Шубникова-Гусева озаглавила «Кудрявый гений русской поэзии» [28].

Очевидно, что в массовом сознании «поэт Сергей Есенин» идентифицируется с образом самого народа. Основываясь на анализе восприятия поэта в «низовом» читательском пространстве, мы можем сделать вывод, что, возникнув и войдя в «массовое употребление», он стал выражать ту часть мифа о России, где расположено самое любовное, жалостливое (в сниженном варианте — сентиментальное) отношение «русского (российского) народа» к своей судьбе и душе. Судьба здесь дается в трагическом варианте, на духовном «пороге», когда душа оказывается в состоянии «ущемленности», в поиске своего «дома», своих истоков. «Поэт Сергей Есенин», таким образом, в коллективном сознании (массово-народном) представлен как «заблудившийся» герой («типично русский» человек) и одновременно как ориентир поиска духовных основ нации, ее души.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронский А. Об отошедшем// Воронский А. Искусство видеть мир. М., 1987. С. 188.
2. Бухарин Н. Злые заметки// Бухарин Н. Революция и культура: Сб. М., 1993. С. 110.

3. Против упадничества. Против есенины, М. : Правда; Беднота, 1926. С. 5.
4. Балдаев Д. Есенин// Балдаев Д. Словарь блатного воровского жаргона: В 2 т. Т. 1. М., 1997. С. 124.
5. Шаламов В. Есенин и преступный мир// Шаламов В. Колымские рассказы. Кн. 2. М., 1992. С. 50-53.
6. Там же. С. 50.
7. Терц А. Отечество. Блатная песня... // Нева. 1991. № 4. С. 166.
8. Там же. С. 168.
9. Сафонов В. Есенин на фронтах Великой Отечественной. Рязань, 1995. 72 с.
10. Книга памяти народной// И тебе я в песне отзовусь... : Сб. Рязань, 1986. С. 31.
11. Там же. С. 42.
12. Там же. С. 43.
13. Иванов Г. Есенин// Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. М., 1995. С. 145.
14. Штейн Э. Поэзия Есенина в лагерях ДИ-ПИ// Столетие Сергея Есенина, Есенинск. сб. Вып. 3. М., 1997. С. 452.
15. Штейн Э. Поэты русского зарубежья о Есенине// Столетие Сергея Есенина: Есенинск. сб. Вып. 3. М., 1997. С. 327, 333.
16. Книга памяти народной // Указ. соч. С. 34.
17. Там же. С. 34-35.
18. См. об этом: Сафонов В. Указ. соч. ; Тиховодов А. У матери Сергея Есенина в 1944 году (из воспоминаний лейтенанта)// Есенин С. А. Творческая индивидуальность. Художественный мир. Рязань, 1982. С. 181-185.
19. Башков В. Плачет где-то иволга... : Новеллы, этюды, эссе. М., 1986. С. 25.
20. Терц А. Указ соч. С. 169.
21. Шаламов В. Указ соч. С. 52-53.
22. Топоров А. С. Есенин. «Письмо от матери». «Ответ» // Топоров А. Крестьяне о писателях. М., 1967. С. 338.
23. Венок Есенину: Сб. Калининград, 1996. С. 6.
24. Есенин С. Русская боль: Сб. М., 1995. 704 с.
25. Жизнь Есенина: Рассказывают современники. М., 1988. С. 356.
26. Там же. С. 535.
27. Шаляпина И. Из «Воспоминаний об отце»// Я в песне отзовусь... : Воспоминания, размышления, эссе, стихи о Сергее Есенине. Челябинск, 1989. С. 116.
28. Шубникова-Гусева Н. Кудрявый гений русской поэзии// Библиотека. 1995. № 7. С. 68-71.

*Мария Анатольевна ГРОШЕВА –
ассистент кафедры английского языка
ФРГФ, соискатель при кафедре
английской филологии СПбГУ*

УДК 802. 035+801. 52

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

АННОТАЦИЯ. В статье обсуждается функциональное соотношение типовых глагольно-именных конструкций, обнаруживающих лексико-синтаксический параллелизм в русском и английском языках. Если в прагматическом аспекте их функции в